

на, это основной тезис цѣлой статьи, а самая статья — одно изъ безчисленныхъ выраженій основной тенденции газеты. Что же это, какъ не невѣжественно-высокомерное «паншинство», осмѣянное пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а въ наши дни являющееся опять во всемъ своемъ мушкетерномъ величьи? Если «разумѣется», что ни наука, ни литература не могутъ рѣшать «коренныхъ вопросовъ жизни», то въ чемъ же можетъ выразиться уметвенная дѣятельность страны, гдѣ искать плодовъ нашего самосознанія, гдѣ результаты нашего развитія и нашей самодѣятельности?

Но положимъ, что газетная литература не есть литература въ настоящемъ смыслѣ этого слова; допустимъ, что ея тенденции бывають случайны, поверхностны и быстропреходящи, такъ что въ нихъ нельзя видѣть выраженія дѣйствительныхъ и серьезныхъ интересовъ жизни. Однако, если мы обратимся къ современной художественной литературѣ нашей, мы найдемъ въ ней тѣ же тенденции, то же *пониженіе уровня лично и общественнаго самосознанія* по сравненію съ нашимъ недавнимъ прошлымъ, какое мы замѣчаемъ теперь въ нашей газетной журналистикѣ. Я представляю сейчасъ читателю разборъ очень типическаго въ этомъ отношеніи обращенія.

II.

Обращеніемъ, удобнымъ для нашихъ цѣлей, является повѣсть г. Чехова *) — *Жена*, напечатанная въ январской книжкѣ *Сѣвернаго Вѣстника*. Г. Чеховъ, повидимому, рѣшился серьезно слѣдовать правилу, выраженному однажды съ горькою шутильвостью нашимъ знаменитымъ сатирикомъ: «по издѣвшему времени многія заповѣди въ обратномъ смыслѣ понимать нужно». Не Моисеевы заповѣди имѣемъ мы здѣсь въ виду, а тѣ нравственныя начала, которыя выработаны нашею литературой въ ея лучшіе дни, тѣ традиции наши, разрыватъ съ которыми никому нельзя безпалазано. Въ ряду этихъ началъ на первомъ мѣстѣ стоитъ обязанность заботливаго и участливаго отношенія счастливаго къ несчастливому, образованнаго къ необразованному, сильнаго къ слабому, сытаго къ голодному. Литература наша приучила насъ высоко цѣнить то «безпокойство», которое Некрасовъ не напрасно называлъ «святымъ», — безпокойство, не-

*) Кстати, по поводу г. Чехова. Недѣля нѣсколько разъ попрекала нашу критику за то, что она, будто бы, «прозѣвала г. Чехова». Изъ всѣхъ дѣйствующихъ критиковъ нашихъ, а если не ошибаюсь, единственный, не написавшій до сихъ поръ о г. Чеховѣ даже небольшой рецензии, и потому упрекъ Недѣли ближе всѣхъ относится ко мнѣ. Смѣю увѣрить почтенную газету, что я слѣду за нашею литературой не «зѣваю», потому что вижу въ этомъ свою обязанность; если же я молчалъ о г. Чеховѣ, то единственно потому, что считалъ его писателемъ не установленнымъ. Теперь г. Чеховъ, говоря выраженіемъ Былинскаго, «попалъ на свое полочку», это доказываетъ его послѣднее повѣсть, и я не смѣю представить его литературную характеристику.

точнѣе, чѣмъ когда-либо лежигь въ нашей совѣсти и въ нашемъ чувствѣ справедливости. Г. Чеховъ провозглашаетъ устами героя своей повѣсти слѣдующую заповѣдь *обратнаго смысла*: «съ тѣхъ поръ, какъ я пошелъ въ одну полку съ равнодушными людьми, я сталъ самъ равнодушенъ и мнѣ хорошо». Это сказано не иронически, а серьезно, и выраженіе: «мнѣ хорошо» — употреблено не въ низменномъ, а въ высшемъ значеніи: герою стало «хорошо» не въ смыслѣ удобства, спокойствія, отсутствія тревогъ, а въ смыслѣ полного нравственнаго удовлетворенія.

Другимъ традиционнымъ принципомъ нашей литературы является обязанность для человѣка вообще и для писателя въ особенности, говоря опять словами Некрасова, «привязать свой бѣдный челнокъ къ корабль большаго корабля», т. е. отдаться какой-нибудь опредѣленной идѣе. Въ романѣ Достоевскаго *Братья Карамазовы* одинъ изъ персонажей оправдывается такимъ образомъ: «нѣтъ, я не подлець, а я шароугъ». Вотъ сть такого-то рода *широкости* наша литература и приучала насъ отвращаться. Главный герой повѣсти *Жена*, человѣкъ принципове и теоріи, разрушаетъ этотъ предрасудокъ. Онъ приходитъ въ тушикъ передъ заурядною личностью земскаго доктора: «я слушалъ доктора и по своей всегдашней привычкѣ подводилъ къ нему свои обычныя мѣрки — материалистъ, идеалистъ, рубль, стадные инстинкты и т. п., но ни одна мѣрка не подходила даже приблизительно; и, странное дѣло, пока я только слушалъ и глядѣлъ на него, то онъ, какъ человѣкъ, былъ для меня совершенно ясенъ, но какъ только я начиналъ подводить къ нему свои мѣрки, то, при всей своей откровенности и простотѣ, онъ становился необыкновенно сложною, запутанною и непонятною натурой. Можетъ ли этотъ человѣкъ, спрашивалъ я себя, растратить чужія деньги, злоупотребить довѣріемъ, имѣть склонность къ даровымъ хлѣбамъ? И теперь этотъ, когда-то серьезный, значительный вопросъ казался мнѣ наивнымъ, мелочнымъ и грубымъ».

Этимъ какъ бы внушается читателю та мысль, что дѣло не въ принципахъ, не въ опредѣленіяхъ, не въ направленіяхъ, не въ клѣнкахъ, а въ самомъ дѣлѣ. Тутъ же высказывается счастливый афоризмъ, что «яблонѣ не надо беспокоиться, чтобы на ней яблока росли, — сами вырастутъ». Это, конечно, значитъ вотъ что: не связывайте себя никакими обязательствами, не опутывайте себя теоріями, потому что все зависитъ отъ вашей природы, а не отъ вашихъ принциповъ. Если вы добрый человѣкъ, вы будете дѣлать добрыя дѣла; если вы злы по самой натурѣ вашей, вы будете дѣлать зло, какое бы «направленіе» ни напустили вы на себя. Вы изумлены, читатель? Вамъ приходитъ въ голову, что если яблоня «не беспокоится» о себѣ, то за нее беспокоится садовникъ, который и дѣлаетъ ей прививки, безъ которыхъ беззаботная яблоня приносила бы не сладкіе фрукты, а кислую, негодную дрянъ? Такъ; но подождемъ съ комментаріями и съ возраженіями. Посмотримъ, какъ развивается г. Чеховъ свою тему. Разсказъ ведется отъ лица какого-то инженера, бо-

гатаго и еще не стараго (46 лѣтъ — возрастъ какъ разъ на рубель-поколѣній шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ) человека, удалившагося отъ дѣлъ и проживающаго въ своемъ имѣніи, въ мѣстности, пораженной неурожаемъ. Инженеръ-землеуладѣлецъ намѣренъ прійти на помощь голодающему населенію, имѣть для этого всѣ средства и возможности, но ничего, все-таки, сдѣлать не можетъ. Почему? Потому, подсказываетъ г. Чеховъ, что слишкомъ ужъ онъ принципиальный, — мплетельный, не простой человекъ. «Администрація я не вѣрилъ, — рассказываетъ о себѣ инженеръ. — Всѣ эти земскіе начальники и податные инспектора были люди молодые и къ нимъ относился я недоувѣрчиво, какъ ко всей современной молодежи, материалистической и не имѣющей идеаловъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о томъ же: «Я не скажу, чтобы они были не честны, но это люди безъ идеи, безъ идеаловъ и въры. безъ чтили въ жизни, безъ определенннхъ принциповъ, и весь смыслъ ихъ жизни зиждется на рубль. Рубль, рубль и рубль!» Наконецъ, говоря объ одномъ изъ своихъ сосѣдей, герой выражается такъ: «онъ совсѣмъ постарѣлъ, заплылъ жиромъ и доживалъ свой вѣкъ безъ направленія и выраженія».

«Да это мы — я и мои сверстники!» — воскликнетъ любой изъ такъ называемыхъ шестидесятниковъ или семидесятниковъ. Это наши понятія, это даже наши выраженія, наши обычные термины! Совершенно вѣрно. Г. Чеховъ пишетъ съ намѣреніями, «съ замашкой», какъ характеризовалъ Достоевскій краснорѣчіе одного изъ своихъ героев, и намѣренія эти разгадать не трудно. Прежде всего, герой не можетъ понять, изъ-за чего онъ хлопочетъ. «Какая сила тянетъ меня къ голодающимъ, какъ бабочку на огонь? Вѣдь я же ихъ не знаю, не понимаю, никогда не видѣлъ и не люблю. Откуда же это безпокойство?» Немного подальше, онъ сознается себѣ, что его жена (которая его терпѣть не можетъ, но, тѣмъ не менѣе, живетъ въ его домѣ и на его средства) «былъ единственный на всемъ земномъ шарѣ человекъ, котораго я любилъ». Еще немного подальше герой говоритъ уже другое: «Все вздоръ, вздоръ, вздоръ... И то вздоръ, будто мною руководить самолюбіе или тщеславіе... Какіе пустяки! Развѣ за голодающихъ дадутъ мнѣ звѣзду, что ли, или сдѣлаютъ меня директоромъ департамента? Вздоръ, вздоръ. И передъ кѣмъ тутъ въ деревнѣ тщеславиться? Я хлопочу и безпокоюсь изъ любви къ ближнему... Да...» Вотъ какъ опасно быть принципиальнымъ человекомъ: принципы сбиваютъ логику человека, омрачаютъ его непосредственное чувство, такъ что онъ перестаетъ понимать самого себя и впадаетъ въ противорѣчія. Такова авторская подпись, которую мы читаемъ подъ фигурою героя повѣсти г. Чехова. Такъ и будемъ знать, что «се левъ, а не собака».

Однако, точно ли «се левъ»? Разуновъ сдѣланъ такъ смутно и даже азиповато, что къ нему необходимо приглядѣться поближе. Въ чемъ собственно заключаются принципы нашего принципиальнаго героя? Въ чемъ заключается то «направленіе и выраженіе», которыми онъ похваляется?

Упрекать другихъ въ отсутствіи идеаловъ можно и даже должно, но лишь при условіи, что самъ обвинитель действительно имѣетъ идеалы, которыми онъ служить не фразами и которые въ свою очередь готовы всегда выдержать какую угодно критику. Герой г. Чехова владѣетъ нашею терминологіей, — это такое нетрудное дѣло, — но въ какому «направленію и выраженію» принадлежитъ онъ по духу? Въ разсказѣ имѣются факты, не оставляющіе на этотъ счетъ никакого сомнѣнія и совершенно измѣняющіе смыслъ подписи, сдѣланной авторомъ въ припадкѣ раздражительности: предполагаемый «левъ» оказывается всего только «собакой», а пленно салтыковскимъ неумнымъ Трезоромъ. Голодающіе мужики украли изъ амбара нашего героя двадцать кулей ржи — и герой «сейчасъ бухъ губернатору телеграмму, потомъ другую бухъ прокурору, третью исправнику, четвертую слѣдователю»... Свой образъ дѣйствій герой совершенно оправдываетъ: «это вовсе не изъ любви къ милосердію и не потому, чтобы я обижался. На всякое дѣло я, прежде всего, смотрю съ принципиальной стороны. Браться ли сытый или голодный — для закона безразлично». Эта логика давно и хорошо намъ извѣстна. Еще тургеневская Елена въ *Наканунъ* приходила въ ужасъ отъ точно такихъ же воззрѣній бѣлаго карьериста Курнатовскаго, который даже слова употреблялъ почти тѣ же, какъ и герой г. Чехова: «ради принципа нужно раздавить даже павлипаватаго». Но Курнатовскій былъ несравненно послѣдовательнѣе героя г. Чехова: по черная свою мораль изъ *Свода Законовъ*, основывая свои принципы на *Уложеніи о наказаніяхъ*, онъ, по крайней мѣрѣ, не толковалъ обь «материализмѣ», не возставалъ противъ господства «рубля», не громялъ «материалистическихъ» стремленій. Онъ понималъ, что все это вопросы и понятія не его, такъ сказать, вѣдомства. Герой г. Чехова этого не понимаетъ, т. е. такъ автору заблагоразсудилось, чтобы онъ не понималъ. Составивъ себѣ крупное состояніе на желѣзно-дорожныхъ постройкахъ, онъ презрительно говоритъ о «материализмѣ» и о «рублѣ»; поднявши на ноги всѣхъ въ голодающихъ; будучи твердо увѣренъ, что помимо его въ уѣздѣ не можетъ организоваться «правильная» помощь голодающимъ, онъ считаетъ самымъ важнымъ дѣломъ бумажную отчетность. Этотъ послѣдній эпизодъ до того любопытенъ и такъ рельефно обрисовываетъ личность героя г. Чехова, что на немъ стоить остановиться. Узнавши, что его жена собираетъ, безъ его вѣдома, пожертвованія на голодающихъ, онъ являетъ ей (они живутъ на разныхъ половинкахъ дома, какъ бы въ неофициальномъ разводѣ) и спрашиваетъ: «Гдѣ у васъ вѣдомость о поступленіи пожертвованій деньгами?» — «Это видно по подписнымъ листамъ», — отвѣчаетъ не испушенная въ бюрократическихъ порядкахъ жена. — «Да-съ, но вѣдь, и вѣдомость же нужна», — говоритъ герой и отбираетъ у жены всѣ эти листы и тетрадки для домашней ревизіи. «Я былъ очень доволенъ собой, увлекшись живыми, интересными дѣломъ. Тетрадки не прошнурованы, на страницахъ цумеровъ нѣтъ. Записи сдѣланы разными почерками, —

очевидно, въ тетрадкахъ хозяйничаетъ всякій, кто хочетъ. Въ спискахъ пожертвованій натурою не проставлена цѣна продуктовъ. Но, вѣдь, позвольте, та рожь, которая теперь стоить 1 р. 15 к., черезъ два мѣсяца можетъ подняться въ цѣнѣ до 2 р. 15 к. Какъ же можно такъ? Затѣмъ, «выдано А. М. Соболю 32 руб.». Когда выдано? Для чего выдано? Гдѣ правильный документъ? Ничего нѣтъ и ничего не поймешь. Въ случаѣ судебнаго разбирательства, эти бумаги будутъ только затемнять дѣло».

Это жгучая и остроумная сатира, но... на кого? По ходу и по существу дѣла, конечно, на Паншинныхъ и на Бурнатовскихъ, а по намѣреніямъ автора—на людей, требующихъ «направленія» и толкующихъ объ идеалахъ. Это такое сѣмшене понятій и явленій, которое слишкомъ грубо и элементарно, чтобы мы могли допустить его произвольность, его непреднамеренность со стороны автора. Г. Чеховъ, очевидно, только воспользовался приемомъ, которымъ не разъ пользовался и Достоевскій, приемомъ, состоящимъ въ томъ, чтобы несимпатичныя автору идеи приписать лицу завѣдомо не симпатичному для читателя. Въ такомъ приемѣ, конечно, нѣтъ ни логики, ни справедливости; но онъ удобенъ какъ крайній полемическій ресурсъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надо взять если не мыльцемъ, такъ катаньемъ.

Въ контрастъ и какъ бы въ укоръ «принципальному» герою, въ разсказѣ изображенъ нѣкто Иванъ Ивановичъ Брагинъ, тотъ самый собесѣдникъ, который доживаетъ свой вѣкъ «безъ направленія и выраженія» и которому собственно и принадлежитъ вышеприведенный глубокомысленный афоризмъ о яблонѣ. Въ качествѣ непосредственной «черноземной» силы Иванъ Ивановичъ ведетъ себя на-распашку, ни о чемъ не беспокоится, ни о чемъ не хлопочетъ, и, тѣмъ не менѣе, вы сразу чувствуете, что на него-то вы и должны возложить все свои надежды,—если, конечно, вѣрить в. Чехову на слово, принимать его характеристики безъ критики. Иванъ Ивановичъ начинаетъ съ эффектнаго заявленія: «Надоѣли мнѣ эти голодающіе, ну ихъ! Бѣжалъ бы на край свѣта, кажется». Таковы привилегіи человека «безъ направленія». Если бы такъ выразился кто-нибудь изъ насъ, людей съ принципами и съ направленіями, мы обвинили бы его еще не въ безсовѣстности, то въ цинизмѣ, и были бы не неправы. Но Брагину это можно, потому что онъ, подобно городничему Островскаго, судить не по законамъ, а по душѣ, не просто говорить, а правду-матку сказать, не просто жить въ деревнѣ, а таинственно сливается съ великою народной душой и чувствуетъ въ себѣ биеіе великаго народнаго сердца и пр., и пр., и пр. Знакомыя фразы и знакомый типъ! Не будемъ говорить о томъ, что все эти «бленія» и «сливанія» часто отличнѣйшимъ образомъ уживаются съ образнымъ мулячествомъ и живодерствомъ, а послушаемъ лучше вѣстныхъ словесъ Брагина: «И все обижаются, все обижаются. Голодные обижаются на сытыхъ. И тѣ, у кого есть хлѣбъ, обижаются на голодныхъ. Да... Теперь нельзя обижаться,—снисходить надо... Съ голоду человекъ шалеть, дурѣетъ, становится дѣлій. Голодь не кар-

тошка. Бывало, съ охоты вернешься домой голодный, родной матери гру-бляшь... Да... Голодный и грубость говорить, и воруеть, и, можетъ, еще что похуже... Понимать надо. Понять не трудно. Надо снисходить къ голодающему,—это бесспорно; но Брагина спрашивали не о томъ, какъ снисходить, а о томъ, какъ помочь. Или, быть можетъ, въ *снисхождении*-то и заключается помощь, какъ, по мнѣнью другихъ народныхъ сердцевѣдцевъ, она должна заключаться въ *любви*? Какъ бы то ни было, въ практическомъ смыслѣ Брагинъ оказался несостоятельнымъ в его бесѣда съ главнымъ героемъ разсказа кончилась такимъ образомъ:

«— И такъ, вы не дали мнѣ никакого совѣта.

«— А? Я человекъ сырой, отупѣлъ,—отвѣтилъ Брагинъ,—какіе мои совѣты? И вы напрасно беспокоитесь... Не знаю, право, отчего вы беспокоитесь. Не беспокойтесь, голубчикъ! Ей-Богу, ничего нѣтъ,—защепталъ онъ ласково и искренно, успокоивая меня, являя ребенка.— Ей-Богу, ничего.

«— Какъ же ничего? Мужики спираютъ съ изобъ крыши и ужь, говорятъ, гдѣ-то тифъ...

«— Ну, такъ что же? Въ будущемъ году урождать, будутъ новыя крыши, а если померѣтъ отъ тифа, то послѣ насъ другіе люди жить будутъ. И все равно помирать надо,—не теперь, такъ послѣ. Ей-Богу, ничего... Не беспокойтесь, красавецъ.

«— Я не могу не безпокоиться,—сказалъ я раздраженно».

Опять-таки наши симпатіи не на сторонѣ неумывающаго Брагина. Брагинъ прекрасно разводилъ чужую бѣду руками—вотъ и весь сеареть его людскостія. «Если померѣтъ отъ тифа, то послѣ насъ другіе люди жить будутъ. И все равно помирать надо. Ей - Богу, ничего». Какая, подумаешь, величественная резиньция, какая геройская скромность, какая простота самоотверженія! Однако, дѣло совершенно измѣняетъ физиономию, если фразѣ Брагина придать другую редакцію, именно вотъ какую: «Если померутъ отъ тифа, то послѣ нихъ другіе люди жить будутъ». Дѣйствительно, Брагину не грозитъ опасность голоднаго тифа,—это видно изъ описанія его *обыкновеннаго* обѣда, меню котораго обязательно сообщаетъ г. Чеховъ: «подали на холодное бѣлаго поросенка съ хрѣномъ и со сметаной, потомъ жирныя, очень горячія шницели свиной и гречневую кашу, отъ которой столбомъ валилъ паръ. Подали пирожекъ, потомъ, съ длинными промежутками, въ продолженіе которыхъ пили наливку, подавали соусъ изъ голубей, что-то изъ потроховъ, жаренаго поросенка, утку, куропатокъ, цвѣтную капусту, варенаяя, творожокъ съ молокомъ, кисель и, подъ конецъ, блинчики съ вареньемъ». Конечно, если тутъ можно чего опасаться, то лишь одной апоплексіи... И такіе-то господа говорятъ: «мы померѣтъ отъ тифа»,—«послѣ насъ другіе будутъ». Г. Чеховъ, однако, не такъ простъ, чтобы вызвать, такимъ образомъ, головой своихъ невозмутимыхъ фаворитовъ. Самое меню обѣда нѣ сообщалъ лишь затѣмъ, чтобы побравировать и дать возможность доктору Соболю, обѣдавшему у Брагина, беспнуть такую тирадой: «Не

люблю мелких чувствъ! Одинъ хандрить, другой трусить, третій войдетъ сейчасъ сюда и скажетъ: «Ишь ты, уперли десять блюдъ и заговорили о голодающих!» Мелко и глупо!» Доктору Соболю (и не ему только одному) мы скажемъ на это словами купчихи Островскаго: «охъ, Аполитка, Аполитка, хорошій ты парень, а зачѣмъ только ты такъ ломаешься, не отъ своего ума слова говоришь, важность эту на себя напускаешь?» Докторъ Соболю въ самомъ дѣлѣ недурной человекъ и дѣлатель, но несправимое желаніе прыгнуть выше головы въ соединеніи съ какою-то нравственною распушенностью, происходящею не то отъ извѣстнаго славянскаго добродушія, не то именно отъ отсутствія всякаго опредѣленнаго идейнаго содержанія, дѣлаютъ его почти антипатичнымъ и, во всякомъ случаѣ, смѣшнымъ. «Не люблю мелких чувствъ!» О, будьте поскромнѣе, господинокъ докторъ, почеловѣчнѣе, *помоще*: заоблачныя вершины хладнаго философскаго созерцанія недоступны намъ—и слава Богу, что недоступны. Будемъ «хандрить», будемъ даже «трусить» при видѣ чужихъ страданій и, во всякомъ случаѣ, не будемъ осуждать ту конфузливостъ, ту внутреннюю неловкостъ, которую испытываетъ всякій не безсовѣстный человекъ, сравнивая свое довольство съ чужимъ несчастіемъ, въ особенности съ такимъ, за которое и онъ, вмѣстѣ со всѣми, несетъ извѣстную долю нравственной отвѣтственности. Не мелко и не глупо сказать обжирющимся людямъ, что ихъ разсужденія о необходимости «равнодушія» къ голодающимъ отвратительны, а ихъ отождествленіе себя съ голодающими, ихъ фразы «мы померемъ отъ тифа», «послѣ насъ люди будутъ» — возмутительны до послѣдней степени.

Хорошъ докторъ Соболю, но главный фаворитъ г. Чехова, Иванъ Ивановичъ Брагинъ, гораздо лучше, безъ сомнѣнія. Пообѣдавши десятью блюдами, онъ, потягивая паливку, слѣдующимъ образомъ доказываетъ необходимость равнодушія: «Какъ вамъ сказать? Вотъ ко мнѣ каждый день ходитъ мужичонко Абрамъ и все беспокоится. «Когда же, — говоритъ, — земство будетъ народу продовольствіе выдавать? Ваше высокоблагородіе, — говорятъ, — пожалѣйте, заставьте вѣчно Бога молить! Голодь, отъ народа званія не останется». — «Что же ты, говорю, беспокоишься? Ты, слава Богу, сытъ, одѣтъ и деньжонки у тебя есть, и никто не проситъ тебя беспокоиться». Не слушаетъ мой Абрамъ! Голодающіе молчатъ, а онъ каждый день бѣгаетъ ко мнѣ, мечется, какъ угорѣлый. Да. А почему? Совѣсть не чиста. Тайно кабанъ держитъ и деньги подъ процентъ даетъ. Кулакъ... Въ своей жизни я такъ примѣчалъ: беспокоится только тотъ, кто виноватъ и въ комъ совѣсть зазрѣла, да кто малодушенъ и трусъ, а человекъ добрый, честный, смѣлый и отважный всегда весело смотритъ. Голубушка моя, ежели я правъ передъ Богомъ и людьми, то не роди земля хоть пять лѣтъ или случись потопъ, я, все-таки, останусь правъ и буду покоенъ. Я ли кого кормлю, меня ли кормятъ, я ли кого хороню, или самъ помираю — всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ я буду покоенъ и правъ... Да. Это вѣрно!... Надо быть равнодушнымъ. Такъ, такъ... имен-

но... Будь только справедливъ передъ Богомъ и людьми, а тамъ — хоть трава не расти».

Благородство этихъ разсуждений можетъ равняться только ихъ своевременности. Своевременность очевидна: въ то время, какъ тяжелое на подъемъ русское общество только что начинаетъ ясно сознавать свою обязанность прийти на помощь обездоленному народу, ничего не можетъ быть тактичнѣе, какъ пуститься увѣрять его, что *надо быть раснодушнымъ*. Толпой веревки довольно, — говорятъ практичные англичане, — чтобы заставить плыть барку, когда она на водѣ, и толстѣйшимъ канатомъ нельзя сдвинуть ее съ мѣста, когда она на берегу. Наша барка давно сплывать на меля, и Брагинъ всѣхъ оттѣнговъ и разновидностей не прочь былъ бы оставить ее тамъ на вѣки-вѣчные.

Что касается благородства брагинскихъ разсуждений, то обнаружить его тоже не составляетъ труда. Это собственно даже не разсужденія, а сплошной рядъ подтасовокъ и передержекъ, къ счастью, довольно неловкихъ. Голодающіе молчатъ, а кулаки беспокоятся; слѣдовательно, кто беспокоится, тотъ кулакъ, тотъ преслѣдуетъ свои личные интересы. Какъ назвать такую логику? Далѣе, «беспокоится, тоскуетъ, мѣста себѣ не находитъ только тотъ, кто виноватъ и въ комъ совѣсть зазрѣла», — съ этимъ мы готовы согласиться, но не на радость будетъ Брагину это наше согласие. Да, конечно, если у человѣка есть совѣсть, немудрено, что она «зазрѣла»; самый фактъ этого «зазрѣнія» доказываетъ, что человѣкъ не утратилъ нравственнаго чувства своего, которое непременно возмущалось бы, наприм., при сопоставленіи человѣка, страдающаго отъ голоднаго тифа, съ человѣкомъ, страдающимъ отъ послѣобѣденной одышки. Святыхъ людей между нами нѣтъ, и если человѣкъ *никогда* не слышитъ протестовъ со стороны своей совѣсти, если онъ *никогда* не чувствуетъ себя виноватымъ — это значитъ совѣсть не то, что онъ добръ, честенъ, смѣлъ и отваженъ, какъ разбрызгаетъ Брагинъ, а значитъ только то, что онъ утратилъ всякое нравственное самосознаніе, что ему просто *нечѣмъ* контролировать нравственную сторону своихъ проступковъ. Мѣдные лбы, не знающіе стыда, всегда считаютъ себя во всемъ правыми, всегда спокойны и равнодушны. Наконецъ, заключительный афоризмъ философствующаго Брагина: «будь только справедливъ передъ Богомъ и людьми, а тамъ — хоть трава не расти». Но развѣ есть болѣе черная и вопиющая несправедливость, нежели то отношеніе къ жизни и къ людямъ, которое характеризуется словами «хоть трава не расти»? Быть справедливымъ передъ Богомъ значитъ по жѣртѣ своихъ силъ слѣдовать божественному примѣру и ученію, а этотъ примѣръ наставляетъ насъ любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, это ученіе требуетъ отъ насъ подвиговъ самоотверженія и дѣлъ милосердія, безъ которыхъ жертва всякая вѣра. Быть справедливымъ передъ людьми значитъ, прежде всего, быть благодарнымъ къ нимъ, *благодарнымъ*, потому что всѣ блага жизни, которыми мы пользуемся, начиная съ нашего образованія и умственнаго развитія и кончая нашимъ пзобильнымъ обѣдомъ, — все это

добыто не нашими ничтожными еднoличными усилиями, а тяжкимъ трудомъ безконечнаго ряда поколѣній. На каждомъ изъ насъ тяготѣетъ долгъ по отношенію къ обществу и въ особенности къ народу, и кто не признаетъ или не сознаетъ этого долга, кто осмѣливается говорить: «хоть трава не расти», тотъ или злостный банкротъ, или презрѣнный паразитъ.

На личности героини разсказа, — «жепѣ» — принципіальнаго героя, — мы останавливаться не будемъ, потому что ни въ психологическомъ, ни въ тенденціозномъ отношеніи ея образъ не имѣетъ значенія. Правда, намѣреніе автора было предоставить ей дѣятельную и трудную роль въ дѣлѣ нравственнаго перерожденія ея мужа, но это намѣреніе такъ и осталось на степеніи намѣренія. Но любопытно вотъ что: въ концѣ-концовъ, г. Чеховъ доказалъ своею повѣстью діаметрально противоположное тому, что онъ хотѣлъ доказать. Требовалось г. Чехову доказать, что принципы, направленія, клячки и т. д. — вздоръ, что надо имѣть только доброе сердце, чтобы дѣйствовать хорошо и справедливо и т. д., и т. д. Превосходнѣйшими качествами сердца надѣлены въ разсказѣ три лица — Брагинъ, докторъ Соболя и «жена». При всѣхъ своихъ усилияхъ, героиня успѣла собрать въ пользу голодающихъ не болѣе *восьми тысячъ* рублей. Это было коллективное приношеніе всѣхъ «добрыхъ сердецъ» и «непосредственныхъ натуръ», обрѣтавшихся въ уѣздѣ. Несчастный герой, многократно обруганный въ разсказѣ за свою «принципіальность», за свое «направленство», началъ съ того, что пожертвовалъ 5,000 руб., затѣмъ обязался «кормить тысячу семействъ въ продолженіе двухсотъ дней», что, по его расчету, должно было обойтись въ 70,000 руб., и кончилъ тѣмъ, что предоставилъ все свое состояніе на деревенскую нужду. Г. Чеховъ старается внушить читателю мысль, что съ героемъ произошла благодѣтельная метаморфоза подъ вліяніемъ прибра жены, Соболя, Брагина и т. д., но это такіе очевидные и наивные пустяки, что о нихъ и говорить не стоитъ. Въ сорокъ шесть лѣтъ отъ роду люди не мѣняются такимъ радикальнымъ образомъ, въ особенности на протяженіи нѣсколькихъ недѣль. Это очевидная психологическая несообразность и, въ такомъ случаѣ, гдѣ же искать объясненія неожиданной щедрости героя? Не въ преданныхъ ли авторомъ проклатію принципахъ? Если у героя было дурное сердце, быть можетъ, за то хороши были его умственные привычки? Если на него не производили впечатлѣнія раскрытыя деревенскія крыши, то не повліяло ли на него съ молодыхъ годовъ усвоенное сознание ответственности за положеніе народа? Тѣ идеалы нашего недавняго прошлаго, въ непониманіи которыхъ онъ упрекалъ современную молодежь, не оказали ли и на него своего облагораживающаго дѣйствія, какъ это бывало со многими другими? Однимъ словомъ, если истиннымъ его добрыхъ дѣлъ не могли быть его хорошия чувства, то не въ хорошихъ ли, правильныхъ *мысляхъ* остается искать этотъ источникъ? Для г. Чехова этихъ вопросовъ не существуетъ и онъ рѣшаетъ дѣло просто, заставляя своего героя закончить разсказъ уже цитируемымъ нами удивительнѣйшимъ признаніемъ: «съ тѣхъ поръ, какъ я по-

шелъ въ одномъ полку съ равнодушными людьми, я сталъ самъ равнодушнѣе, и мнѣ хорошо». И такъ, герой отдажъ всѣ свои деньги на дѣло потому, что сталъ равнодушнѣе въ этому дѣлу. Равнодушіе, какъ импульсъ къ самоотверженію... нѣтъ, мы не поздравляемъ г. Чехова съ такимъ психологическимъ открытіемъ.

Повѣсть г. Чехова тѣмъ для нашихъ цѣлей и удобна, что тенденція ея широка и, въ то же время, фальшива. Это не личная ошибка писателя, не обмолвка, — это нѣкоторымъ образомъ знаменіе времени: равнодушіе, вмѣняемое въ достоинство, отсутствіе опредѣленныхъ воззрѣній, поставленное мудростью, безпринципность, возводимая въ принципъ, — это ли еще не характерныя черты переживаемаго нами момента?

III.

Не столько съ полемическими, сколько опять-таки съ описательными и общими дѣлами я, съ позволенія читателя, возвращусь къ моему спору съ г. Сабачевскимъ. Этотъ споръ умеръ преждевременною и скоропостижною смертию. Въ прошломъ «письмѣ» я сказала, что «съ большимъ удовольствіемъ открываю бесѣду съ г. Сабачевскимъ». Г. Сабачевскій отвѣтилъ мнѣ фельетономъ, озаглавленнымъ: *Окончаніе моего спора съ г. Протопоповымъ о методахъ*. Какъ окончаніе?! Да, вѣдь, споръ едва только начался, едва установленъ его основной предметъ, едва намѣчены главные аргументы, противники едва успѣли высказать передъ читателями свои позиціи! И вдругъ—*окончаніе*... Читатель безъ труда пойметъ всю горечь моего разочарованія.

Не долго продолжался бой,—
Бѣжали робкіе грузины!

Съ одной стороны, это, конечно, хорошо, что грузины бѣгутъ, не обременивъ васъ большаи хлопотами: скатертью или дорога. Но, съ другой стороны, это, право, очень скучно: полемика—такое живое дѣло, а наша текущая жизнь такъ вяла и безцвѣтна, такъ однообразна и скучна, что приходится дорожить малѣйшимъ поводомъ въ сколько-нибудь содержательному и идейному литературному спору. Я ошибся, понадѣвшись на г. Сабачевского, и не столько раскаяваюсь, сколько скорблю о своей ошибкѣ.

Г. Сабачевскій въ своемъ «окончательномъ» отвѣтѣ очень убѣдительно доказываетъ, что я и не имѣлъ никакого основанія возлагать на него хотя бы малѣйшія надежды. Говорю это не для полемики, не изъ ироніи, не для краснаго словца, а совершенно серьезно: г. Сабачевскій именно *доказываетъ* это, съ полною сознательностью и даже не безъ горячности. Онъ пронаизрируетъ на счетъ моего приема опредѣленія литературныхъ достоинствъ *одного писателя*: г. Протопоповъ для того, чтобы изглядно показать, что такое индукція или анализъ, предполагаетъ, что въ двухъ *томахъ моихъ (вашихъ?)*—спорить не буду, но, все-таки, я не выражался